

УДК 94(470.4)-054.62 «1914/1918»

В. Дённингхаус*Институт культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе*

**«ОТНИМИТЕ НЕМЕДЛЕННО ЗЕМЛЮ
ОТ ИСКОННЫХ НАШИХ ВРАГОВ...». ДЕЙСТВИЕ
ЗАКОНА О ЛИКВИДАЦИИ НЕМЕЦКОГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПОВОЛЖЬЕ**

З початком Першої світової війни в Росії активізувалася діяльність осіб і організацій, які проповідували боротьбу з німецьким «засиллям». Образ «внутрішнього ворога», який сформувався з початком війни в Саратовській і Самарській губерніях, виявився більш наочним, ніж у центральних регіонах країни. Господарські суперечності набули тут забарвлення протистояння «своїх» і «чужих», велику роль відіграли уявлення про хижацтво німців-підприємців і надії поліпшити своє становище за рахунок експропріації німецького землеволодіння.

Хоча поволзькі німці потрапляли під дію одного з цих узаконень, а саме, заборони на оренду або придбання земель волосними і сільськими товариствами, ця вимога довгий час тут не виконувалася, а директиви, які надходили від губернських властей носили не заборонний, а інформаційно-ознайомлювальний характер.

Ключові слова: Російська імперія, Поволжя, Перша світова війна, національне питання, націоналізм, русифікація, російські німці, сільське господарство.

С началом Первой мировой войны в России активизировалась деятельность лиц и организаций, проповедовавших борьбу с немецким «засильем». Образ «внутреннего врага», сформировавшийся с началом войны в Саратовской и Самарской губерниях, оказался более зримым, чем в центральных регионах страны. Хозяйственные противоречия приобрели здесь окраску противостояния «своих» и «чужих», большую роль сыграли представления о хищничестве немцев-предпринимателей и надежды улучшить свое положение за счет экспроприации немецкого землевладения.

Хотя поволжские немцы попадали под действие одного из этих узаконений, а именно, запрета на аренду или приобретение земель волостными и сельскими обществами, это требование долгое время здесь не выполнялось, а поступавшие директивы губернских властей носили не запретительный, а информационно-ознакомительный характер.

Ключевые слова: Российская империя, Поволжье, Первая мировая война, национальный вопрос, национализм, русификация, российские немцы, сельское хозяйство.

Mit Beginn des Ersten Weltkrieges intensivierte sich die Tätigkeit von Personen und Organisationen, die den Kampf gegen die «deutsche Überfremdung» auf ihre Fahne schrieben. Das Bild des «inneren Feindes», das zu Beginn des Krieges in den Gouvernements Saratov und Samara entstand, trat hier krasser in Erscheinung als in den zentralen Regionen des Landes. Die wirtschaftlichen Gegensätze nahmen hier den Charakter einer Konfrontation zwischen den «Einheimischen» und den «Fremden» an, wobei Mutmaßungen bezüglich der Raubgier der deutschen Unternehmer und Hoffnungen, durch die Enteignung des deutschen Landbesitzes, die eigene Lage zu verbessern, eine beachtliche Rolle spielten.

Obgleich eines dieser Gesetze, und zwar bezüglich des Verbots der Pacht und des Ankaufs von Ländereien durch die Dorfgemeinden, auch die Wolgadeutschen betraf, kam man den gesetzlichen Forderung lange Zeit nicht nach, und den vor Ort eintreffenden Direktiven der Gouvernementsbehörden lagen nicht Verbote, sondern Informations- und Bekanntmachungszwecke zugrunde.

Schlagwörter: Russisches Reich, Wolgagebiet, Erster Weltkrieg, Nationalitätenfrage, Nationalismus, Russifizierung, Russlanddeutsche, Landwirtschaft.

The article is devoted to World War I, period when individuals and organizations which propagated struggle against German «predominance» in Russia stirred to activity. State authorities reacted doubly on such initiatives but, being forced by public opinion, had to impose some restrictive and discriminative measures, which in the first place influenced German communes and colonies of Povolzhye.

The image of «inner enemy», formed by the beginning of the war, turned out to be more visible in Saratov and Samara gubernias than in central regions of the Russian empire. For the first time, the creation of «image» was caused by claims of Russian peasants and village communes for German colonists. Local newspapers started up the real anti-German agitation. Economic contradictions turned here into struggle between «ours» and «foreigners»; the notions about grab of German entrepreneurs and hopes to improve ones conditions by expropriation of German lands also had a lot to do with it.

As far as imperial governmental structures were unable to reply effectively in war conditions on challenges of chauvinism and nationalism, Germans of Povolzhye became objects of anti-German laws, notably prohibition for volost and village communes to rent and buy lands, but for a long time this demand was not in progress, and received commands of gubernian authorities were not prohibitive, but informational and introductory. February revolution opened the new period in relations between German colonists and Russian state.

Keywords: the Russian empire, Volga region, World War I, nationality question, nationalism, Russification, Russian Germans, agriculture.

«Русский народ нуждается в лучшем отношении к нему и вполне заслужил, чтобы предоставить ему в награду за разорение войны и ее ужасы, земли его исконных врагов, хотя бы и значащихся формально подданными Русского государства [...]» [16].

В начале XX века Российское государство переживало болезненный период глубокой трансформации, во многом обусловленный попыткой создания новых современных ландшафтов и гомогенизации сложной, во многом еще феодальной и патерналистской, структуры российской деревни. Многонациональное крестьянство Российской империи болезненно переживало процессы разрушения общины, страдало от острого кризиса сельскохозяйственного производства, аграрного перенаселения и его вытеснения с рынков кустарно-ремесленной продукции развивающейся промышленностью. Культура и прогресс – два ключевых лозунга эпохи – остались в целом чужды крестьянству.

Антагонизмы, свойственные российской деревне в целом в годы Первой мировой войны, оказались обострены национальным вопросом и неумелой политикой русификации в условиях роста русского национализма. Главной мишенью русификации и ксенофобии стало немецкое меньшинство. С началом Первой мировой войны в России активизировалась деятельность лиц и организаций, проповедывавших борьбу с немецким «засильем». Часть российской прессы систематически осуществляла травлю немецкоязычного населения страны, не считаясь с вопросом гражданства и мобилизуя общественность на борьбу с «внутренним врагом». Антинемецкая кампания давала возможность власти не только сплотить разнородное в социальном плане русское население страны на почве патриотизма, но и обезопасить саму автократию.

Образ «внутреннего врага», сформировавшийся с началом войны в Поволжье, с его многочисленной немецкой диаспорой, оказался более весомым и зримым, чем в «чисто русских» регионах страны. хозяйственные противоречия приобрели здесь окраску противостояния «своих» и «чужих». Среди населения получили широкое распространение представления о «хищничестве» немцев-предпринимателей, а также надежды на получение немецкого землевладения. Антинемецкие настроения общества во многом формировались и «подогревались» репрессивной политикой российского правительства, которая в полной мере проявилась с принятием 2 февраля 1915 г. Закона о

ликвидации немецкого землевладения и землепользования [31]. Парадоксально, но факт: руководство страны, стоявшее на страже неделимости частной собственности, само выступило организатором экспроприации по национальному признаку. Весьма пророческими оказались слова лидера кадетской партии П. Н. Милюкова, заявившего в ответ на эту акцию «передела» собственности следующее: *«Вы ошибаетесь, колонистских земель мало, и тот, кто начнет с колонистских земель, непременно кончит вашими землями [...]»* [34].

О настроениях в российском обществе в отношении «передела» немецкого землевладения можно судить по письмам в адрес председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина. Они полны призывов немедленно покончить с «немецким засильем», причем одна из главнейших тем – именно немцы-колонисты. Так, анонимные авторы одного из писем заявляли: *«Велико негодование русского народа, что до сего времени правительство не изгнало из русской земли лютых врагов его, немецких колонистов [...]». Необозримые лучшие земли до 8–10 миллионов десятин [...] заняты ими в то время, когда русский народ должен переселяться в тундру и тайгу [...]»* [17]. Продолжает тему другой «неизвестный» автор: *«В то время, когда по фантазии нашей царствующей немецкой династии с неслыханной щедростью розданы немцам наши родные земельные богатства, русский мужик работает на двухаршинных полосках серого суглинка и поддерживает свое нищенское существование половинным пайком сорного хлеба, немец упитывает себя колбасами да ветчиной [...]»* [18]. Не ограничиваясь описанием положения бедного русского крестьянина, анонимные «патриоты» призывали российское правительство к активным действиям: *«Отнимите немедленно землю от проклятых, исконных наших врагов и помните, что они никогда не станут русским народом и век будут смотреть на нас, как на варваров, которые должны на них работать и кормить, а на фатерланд, как на мать-родину»* [19].

Ожидания и действия обывателей Поволжья во многом формировались под воздействием самой разнообразной информации, по разным каналам поступавшей в деревню. Как и по всей России, одним из важнейших источников сведений здесь являлись газеты, которым, по словам местных наблюдателей, жители «верили свято» [11]. Особое значение придавалось письмам земляков, находившихся на фронте, их суждения считались наиболее авторитетными. Все остальные способы получения информации извне были достаточно традиционными – сообщения односельчан, побывавших в городе, рассказы фрон-

товиков-инвалидов, солдат-отпускников и раненых. Принимая во внимание, что газеты были доступны только достаточно образованным и грамотным крестьянам, значительная часть циркулировавшей в деревне информации имела неофициальный, субъективный и часто непроверяемый характер [10]. Так, благодаря в первую очередь письмам фронтовиков, в октябре 1915 г. по всей Саратовской губернии расползлись слухи о том, что крестьяне, в первую очередь отличившиеся или пострадавшие на войне, будут вскоре обеспечены землей, причем не только за счет казенных и удельных земель, но, главным образом, в связи с конфискацией земельных владений их соседей – немецких поселян [12]. Не раз на этой почве между русскими крестьянами и немецкими колонистами возникали перебранки, высказывались взаимные подозрения и упреки. Практически с самого начала войны в органы власти стала поступать целая череда крестьянских доносов на немецких поселенцев, как правило, с одной целью – выселить немцев-землевладельцев и сделать их земли предметом аренды [13].

Идея наделения русскоязычных крестьян землей за счет немцев Поволжья муссировалась с момента начала военных действий России против Германии. Уже во время всеобщей мобилизации 1914 г., подобные слухи имели широкое хождение в различных местах Саратовской губернии. Причем на этапе распространения подобных «революционных» идей российское правительство сначала попыталось их пресечь. Так, министр внутренних дел Н. А. Маклаков даже направил телеграмму (25.07.1914 г.) Саратовскому губернатору, потребовав немедленного опровержения данных слухов и предотвращения любых элементов насилия или беспорядков в вопросе передела немецкого землевладения [24]. Однако уже весной 1915 г. идея о наделении определенных категорий фронтовиков землей за счет колонистов стала не только объектом обсуждения в самом Совете Министров, но и была взята им на вооружение, найдя многочисленных сторонников ее немедленного воплощения. Так, председатель Совета объединенного дворянства А. П. Струков убедительно заявлял, что *«эта мера обеспечит русских помещиков на сто лет от аграрных беспорядков»* [9].

Воспользовавшись началом военных действий, когда деятельность законодателей была временно прекращена, Совет Министров весьма спешно, буквально накануне начала работы Государственной Думы, принял 2 февраля 1915 г. в порядке статьи 87 Основных Законов несколько узаконений в отношении ограничения землепользова-

ния и землевладения российских граждан немецкого происхождения («Liquidationsgesetze») [25]. Классовый характер законодательства (2. 02. 1915 г.) и внесенных к нему поправок (13. 12. 1915 г.) был очевиден: спасти земли мелкопоместного дворянства ценой экспроприации земельных участков немецких колонистов. При этом крупные латифундии «немецких» помещиков, промышленников и купцов сохранялись [32]. Применение данных дискриминационных мер строго дифференцировалось в зависимости от места проживания колонистов. Фактически, поволжские колонисты попадали под действие только лишь одного из «ликвидационных» узаконений, а именно, запрета на аренду или приобретение земель волостными и сельскими обществами, состоящими из немецких поселян-собственников [8].

Интересно, что эта дискриминационная мера в отношении поволжских немцев долгое время не применялась, а соответствующие директивы губернских властей носили не запретительный, а информационно-ознакомительный характер [23]. Объясняется это тем, что даже в годы войны экономические интересы региона оказались для губернских властей Саратова и Самары более значимыми, чем политические дивиденды. В результате вплоть до середины 1916 г. в Самарской и Саратовской губерниях не только продолжалось действие аренды, заключенной немцами-поселянами в довоенный период, но и заключались совершенно новые договора [22]. Так, например, в Николаевском уезде Самарской губернии количество арендных сделок, совершенных колонистами из Екатериненштадской и Панинской волостей, даже возросло на 7 % [26]. Аналогично обстояло дело и с покупкой земли. Несмотря на полный запрет ее приобретения, операции купли-продажи имели место почти во всех без исключения колониях Саратовской и Самарской губерний.

Многочисленные колонии компактно и обособленно живущих немцев-поселян, наличие заметного числа средних и крупных землевладельцев – лиц не только немецкого происхождения, но и нередко германских подданных, особая роль немецких предпринимателей в экономической жизни региона, – все это придавало взаимоотношениям русскоязычных крестьян с их немецкими соседями свою особую специфику. Как бы то ни было, вплоть до Февральской революции никаких массовых выступлений русских крестьян в пользу изъятия земельных владений у немецких поселян-собственников в Поволжье зафиксировано не было [20]. Даже горячие дебаты депутатов Государственной Думы по вопросу ликвидации немецкой земельной собственности не вызывали здесь особой реакции. При-

чину этого, очевидно, следует все же искать не в особом миролюбии или невосприимчивости поволжских крестьян к националистическим лозунгам, а в скудности доступной информации. В тех поселениях, где крестьяне были хорошо осведомлены о предполагаемых мерах центра в отношении немецкоязычного меньшинства, они безоговорочно выступали в их поддержку [2]. В то же время, несмотря на постоянно формирующийся различными средствами печати и массовой пропаганды образ врага-немца, поволжские крестьяне не проявляли никаких самостоятельных шагов для разрешения проблемы малоземелья за счет своих соседей, а ожидали решения сверху [33].

Таким образом, вплоть до середины 1916 г. в Поволжье не наблюдалось каких-либо серьезных притеснений немецкого населения в области землепользования и землевладения. Только с сентября 1916 г. в Саратовскую губернию стали проникать слухи о расширении зоны ликвидации немецкого землевладения на новые территории России, в частности, на отдельные уезды Харьковской, Томской и Тобольской губерний. Довольно скоро в их число попал также Поволжский регион, а 6 февраля 1917 г. Совет Министров официально утвердил дополнительное узаконение о ликвидации немецкого землевладения в 28 губерниях Российской империи, включая Саратовскую и Самарскую [21]. Причем губернским властям вменялось в обязанность уже в течение двух месяцев подготовить списки выселяемых немцев-поселян, а с февраля 1918 г. провести массовую продажу Крестьянскому земельному банку всех ликвидируемых немецких земель для последующего использования их русскими поселенцами [15].

Необходимо заметить, что данное правительственное решение было опротестовано депутатами городских дум, членами биржевых комитетов и земств Саратова и Покровска. 23 февраля 1917 г. на проведенном собрании они заявили: *«Живущие среди нас немцы-колонисты суть такие же русские граждане, как и все мы. В нашем краю колонисты являются незаменимыми сельскими хозяевами. Мы обязаны настойчиво, определенно заявить, что ликвидация немецких земель [...] является мерой [...] губительной, как для самих колонистов, так и для всего края. Она окажется чувствительной и для всей России»* [29]. В этот же день в защиту немецкого землевладения поволжских немцев выступил на заседании Государственной Думы депутат А. И. Шингарев, отметивший: *«Мы толкуем о недосяге. А что сделала эта безумная власть? В Саратовской и Самарской губерниях она провела закон о ликвидации немецкого землевла-*

дения. В результате 600.000 десятин земли останутся незасеянными [...]» [28].

Только лишь после принятия правительственного решения о ликвидации немецкого землевладения были впервые отмечены случаи массового недовольства, более того – даже враждебного отношения колонистов к органам центральной власти. Подобные факты также имели место в немецких волостях Саратовской губернии [27]. «Положение о ликвидации немецкого землевладения и засилья, – сообщал в феврале 1917 г. главноначальствующему Саратовской губернии исправник Аткарского уезда, – не только произвело на немецко-колонистов удручающее впечатление, но и заметное озлобление против Правительства, которое имеет хотя, пока, скрытый характер, но несомненно носит в себе признаки противно-государственной вражды» [5].

В феврале 1917 г. возобновил свою работу Организационный комитет, созданный еще в 1913 г. для подготовки празднования 150-летия образования поволжских колоний. Теперь он был переориентирован на решение неотложной проблемы защиты немецкого землевладения. В Комитет вошли влиятельные лица немецкого происхождения, большей частью предприниматели и адвокаты, во главе с Фридрихом Шмидтом [6]. По сообщению исправника Аткарского уезда, находясь под влиянием Комитета, колонисты планировали сорвать посевную кампанию, засеяв «самую ничтожную площадь земли, чтобы собранного с нее зерна хватило лишь только для своего домашнего обихода» [3]. Наряду с этим, по его данным, поволжские немцы приняли решение всеми силами уклоняться от «добровольной» ликвидации своего землевладения, предоставив правительственным органам самостоятельно разрешить данную проблему, а также «сидеть в колониях, до момента удаления военной силой» [4].

Сложно прогнозировать дальнейший ход событий в Поволжском регионе, если бы не Февральская революция, отменившая все национальные ограничения и привилегии, с восторгом встреченная поволжскими немцами [7]. Именно депутат Государственной думы А. И. Шингарев, заняв пост министра земледелия в кабинете Временного правительства, подписал указ о приостановлении исполнения ликвидационных законов в отношении немецкого землевладения и землепользования [14]. Однако этот акт не стал завершением антинемецкой кампании, так как одновременно Временное правительство учредило Межведомственное совещание при Министерстве Финансов, в состав которого вошли представители от Крестьянско-

го Поземельного банка, Министерства внутренних дел и Министерства земледелия. Его создание обосновывалось необходимостью разрешения многих спорных вопросов, связанных с ликвидацией немецкого землевладения [30].

Одним из главных результатов Первой мировой войны стал крах трех многонациональных империй – Романовых, Габсбургов и Османов. Процессы распада империй имели свою специфику, но их объединял один общий момент – традиционная наднациональная имперская легитимация власти и патриархальная политика монархий в сфере решения национального вопроса оказались неспособными в условиях мировой войны найти эффективный ответ на вызовы со стороны центробежных национальных сил. Так, российская власть не смогла устоять перед соблазном «легкого» решения и предпочла в годы войны опереться на силы русского национализма и шовинизма, подкрепленные политикой неприкрытой русификации. Одним из наиболее ярких примеров этой политики выступила борьба с «немецким засильем», выражением которой стало принятие в феврале 1915 г. закона о ликвидации в Российской империи землевладения и землепользования российских немцев. В определенной мере именно политика нарушения принципа частной собственности немцев и попрания национально-культурных прав, столь последовательно осуществлявшаяся российским правительством в годы войны, имели катастрофические последствия для российской государственности [1].

Библиографические ссылки

1. *Бобылева С. И.* Система образования немецких колоний начала XX века и «Ликвидационные» законы (на материалах южных губерний России) / С. И. Бобылева // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. – М., 2000. – С. 105–108.

2. *Воронежцев А. В.* Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) / А. В. Воронежцев // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). – М., 2002. – С. 86–87.

3. ГАСО (Государственный архив Саратовской области). – Ф. 1, оп. 1, д. 10113 [Рапорт исправника Аткарского уезда Зубкова – Главноначальствующему Саратовской губернии, от 27.02.1917], л. 1об.

4. ГАСО. – Ф. 1, оп. 1, д. 10113 [Рапорт исправника Аткарского уезда Зубкова – Главноначальствующему Саратовской губернии, от 27.02.1917], л. 1об.

5. ГАСО. – Ф. 1, оп. 1, д. 10113 [Рапорт исправника Аткарского уезда Зубкова – Главноначальствующему Саратовской губернии, от 27.02.1917], л. 1.

6. ГАСО. – Ф. 1, оп. 1, д. 10113 [Рапорт исправника Аткарского уезда Зубкова – Главнначальствующему Саратовской губернии, от 27.02.1917], л. 1.
7. Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе. – Ф. 1831, оп. 1, д. 29 [Телеграмма в адрес Временного правительства, 9.03.1917], л. 1.
8. Закон о землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). – М., 1993. С. 36–37.
9. *Нелипович С. Г.* Роль военного руководства России в „немецком вопросе“ в годы Первой мировой войны (1914–1917) / С. Г. *Нелипович* // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – М., 1996. – С. 270.
10. *Поршнева О. С.* Российский крестьянин в первой мировой войне (1914 – февраль 1917) / О. С. *Поршнева* // Человек и война (Война как явление культуры) : сб. ст. / под ред. И. В. Нарского, О. Ю. Никоновой. – М., 2001. – С. 206.
11. *Посадский А. В.* Социально-политические интересы крестьянства и их проявления в 1914–1921 гг. (на материалах Саратовского Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук : 07. 00. 02 / Антон Викторович Посадский. – Саратов, 1997. – С. 63.
12. *Посадский А. В.* Социально-политические интересы крестьянства и их проявления в 1914–1921 гг. (на материалах Саратовского Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук : 07. 00. 02. / Антон Викторович Посадский. – Саратов, 1997. – С. 53.
13. *Посадский А. В.* Социально-политические интересы крестьянства и их проявления в 1914–1921 гг. (на материалах Саратовского Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук : 07. 00. 02. / Антон Викторович Посадский. – Саратов, 1997. – С. 57.
14. Постановление Временного Правительства о приостановлении исполнения узаконения о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев. // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. – С. 54–55.
15. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). – Ф. 549, оп. 4, д. 57 [Дискуссия по докладу тов. Вагнер, 14.8.1921], л. 83.
16. РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 1276, оп. 10, д. 826 [Анонимное письмо Председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину, от 1.11.1914], л. 31–32.
17. РГИА. – Ф. 1276, оп. 10, д. 826 [Анонимное письмо Председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину, от 1.11.1914], л. 31–32.
18. РГИА. – Ф. 1276, оп. 11, д. 1230 [Анонимное письмо Председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину, без даты], л. 1об.

19. РГИА. – Ф. 1276, оп. 11, д. 1230 [Анонимное письмо Председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину, без даты], л. 2.
20. РГИА. – Ф. 1282, оп. 2, д. 112 [Показания исправника Аткарского уезда Зубкова – членом правительственной комиссии, от 19.01.1916], л. 10.
21. РГИА. – Ф. 1483, оп. 1 (1916), д. 1 [Письмо председателя Особого комитета по борьбе с немецким засильем А.С. Стишинского – председателю Государственной Думы М.В. Родзянко, от 21.11.1916], л. 17об.
22. РГИА. – Ф. 396, оп. 7, д. 453 [Письмо начальника Самарско-Уральского управления земледелия и государственных имуществ – в Департамент Государственных земельных имуществ, от 8.07.1915], л. 161.
23. РГИА. – Ф. 396, оп. 7, д. 454 [Общие сведения о введении в действие законов от 2.02.1915 г., весна 1915], л. 1–39об.
24. *Решетов Д. Г.* Немецкие колонии Нижнего Поволжья в годы Первой мировой войны. Машинописный манускрипт / Д. Г. Решетов. – Саратов, 2000. – С. 6.
25. *Решетов Д. Г.* Немецкие колонии Нижнего Поволжья в годы Первой мировой войны. Машинописный манускрипт / Д. Г. Решетов. – Саратов, 2000. – С. 1.
26. *Решетов Д. Г.* Немецкие колонии Нижнего Поволжья в годы Первой мировой войны. Машинописный манускрипт / Д. Г. Решетов. – Саратов, 2000. – С. 4.
27. *Решетов Д. Г.* Немецкие колонии Нижнего Поволжья в годы Первой мировой войны. Машинописный манускрипт / Д. Г. Решетов. – Саратов, 2000. – С. 15.
28. Решетов Д. Г. Немецкие колонии Нижнего Поволжья в годы Первой мировой войны. Машинописный манускрипт / Д. Г. Решетов. – Саратов, 2000. – С. 17.
29. Цит. по: Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) / под ред. И. В. Пороха, т. 2, ч. 2. – Саратов, 1999. – С. 303.
30. *Хердт Виктор* Немецкие колонии в Поволжье в период между революциями 1917 г. / *Виктор Хердт* // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. – М., 1999. – С. 272.
31. *Long James W.* From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917 / *W. James Long.* – Lincoln; London, 1988. – С. 228.
32. *Long James W.:* From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917 / *W. James Long.* – Lincoln; London, 1988. – С. 231.
33. *Long, James W.:* From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917 / *W. James Long.* Lincoln; London 1988. – С. 229. [21].
34. *Schippan M. – S. Striegnitz:* Wolgadeutsche. Geschichte und Gegenwart. Berlin 1992, с. 146. [3]

Надійшла до редколегії 19.05.2014